

Юлия Бучатская

Интерьер и вещи в контексте профессии. Наблюдения в домах городских овощеводов Бамберга

В фокусе внимания данной статьи — декоративные вещи, находящиеся в домах представителей профессиональной группы городских овощеводов Бамберга («бамбергских гэртнеров»). Дом гэртнеров в антропологическом ключе интересен тем, что он объединяет приватное пространство с пространством профессии. Интерьеры дома рассматриваются в их соотношении с многоплановой идентичностью группы, в которой помимо конфессионального и локального аспектов особенно выделяется профессиональный: акцент ставится на принадлежность к старой исчезающей профессии. В статье предпринята попытка проследить, как в декоративных вещах объективируется профессиональная идентичность действующих представителей профессии и публичных людей из среды гэртнеров, реконструирующих профессиональные традиции и «играющих» в них.

Ключевые слова: гостиная, интерьер, вещи, декоративные объекты, профессия, идентичность, бамбергские гэртнеры.

Каждый раз в ходе беседы с информантом находишься в его «владениях» — будь то рабочий кабинет в организации или приватное пространство жилья. То место, куда пригласил информант для беседы или интервью, равным образом важно для адекватного понимания разрабатываемой исследователем проблемы: оно является «обрамлением» разговора и невербальным выражением установок владельца / обитателя. Таким образом, помещения, в которых принимают нас информанты, имеют свой язык и порой досказывают за информанта больше, чем он сам раскрывает в своем интервью.

Предметом этой статьи я решила сделать пространство дома *бамбергских гэртнеров*, а точнее — его вещную сферу. Речь идет о профессиональной группе городских земледельцев-овощеводов, с которыми я работала в течение 2008–2011 гг. во время годового полевого стационара, а затем ряда систематических выездов в верхнефранконский город Бамберг (Германия).

Моя работа с представителями профессии проходила в домах. Жилой дом гэртнера на сегодняшний день имеет более сложную структуру, чем традиционный дом до середины XX в. Уже сам факт проживания в отдельном доме выделяет гэртнеров из среды

Юлия Валерьевна Бучатская

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург
julia.butshatskaja@yahoo.de

большинства современных горожан, жителей квартир, хотя в среднем городе владение частными домами не является редкостью. Отдельный дом предполагает наличие обширной жилой площади, а значит — монофункциональных помещений. Так, имеются несколько спален, рабочие кабинеты каждого из членов семьи, нефункциональные проходные и смежные помещения. Неизменными в доме гэртнера остаются помещения кухни и жилой гостиной (последняя предназначена для сбора семьи вечером, приема гостей, праздничных вечеров). Помимо собственно жилых помещений в традиционном доме гэртнера сохраняется помещение двора (бамб. диал. Hausplatz, нем. Durchfahrt) — холодный крытый проезд с улицы во двор и огород хозяина. Он используется как гараж, склад или же в качестве торговой лавки, в которой в первой половине дня земледелец ведет прямую продажу своей продукции.

Для беседы чаще всего хозяева выбирали гостиную или кухню, в которые так или иначе путь лежал через прихожие и / или лестницы, а в сам дом — через проезд-двор. Следовательно, я имела возможность детально наблюдать эти четыре помещения дома интервьюируемых.

«Этнография гостиных»: постановка проблемы

Изучение гостиных как части повседневности имеет достаточно давнюю традицию в европейской этнологии / культурной антропологии [Tränkle 1972; Götze 1979; Pappi, Pappi 1978; Riggins 1994; Warnke 1982]. С 1970-х гг. главенствующее место в этнографии гостиных занимали концепции, трактующие обстановку и отделку помещения как социальное действие, как презентацию социального статуса и квинтэссенцию демонстративного потребления. Исследования конструировали гостиную как в высшей степени знаковый объект, несущий определенные смыслы, которые прочитывались определенным образом: не сами вещи, а то, что они «значат», лежало в основе научных подходов к изучению гостиных и их обстановки. В этом направлении работали Пьер Бурдьё, Мэри Дуглас и др. Эти работы в русле общественной теории различения Бурдьё показывали, как можно прочесть обстановку жилых пространств, какие эмпирические взаимосвязи существуют между хабитусом, вкусом и обстановкой гостиной [Hahn 2010: 13].

Еще до выхода в свет «Различений» Бурдьё немецкий врач-психоаналитик и писатель Александр Мичерлих, анализируя современные ему формы городского жилья и критикуя разрушение традиционных структур в послевоенном развитии городов, первым обращает внимание на корреляцию между жилым помещением и его репрезентативной функцией: жилье выпол-

няет не только функцию биологической защиты от внешних факторов, но и социокультурную функцию выражения [Mitscherlich 1965: 133]. Так, гостиная (living room / Wohnzimmer) выступает как репрезентационное помещение дома и арена демонстрации собственного статуса. Репрезентативный эффект достигается через находящиеся в помещении предметы мебели, декора и их расстановку [Mitscherlich 1965: 138].

В 1970–72 гг., также до публикации труда Бурдьё, культурантропологами из Тюбингена проводилось комплексное исследование культуры оформления жилого пространства в домах ФРГ [Tränkle 1972]. Основным выводом книги тюбингенской исследовательницы Маргрет Тренкле также стал тезис о репрезентативной функции гостиной. При этом в духе модерна индивидуальность оформления интерьера противопоставлялась требованию репрезентативности, и гостиная выступала ареной для демонстрации соответствия моде и определенным стандартам: «Квартира как “дом” перестала быть только местом жизни замкнутого коллектива семьи. Вместе с дружескими контактами в нее проникают контролирующие взгляды других, которые могут прочитывать, оценивать по стилю оформления интерьера статус и социальную групповую принадлежность владельцев. Поэтому возникает необходимость выражать свое местонахождение на шкале статусов и социальной принадлежности в тех символах, которые будут понятны соответствующей целевой группе. Гостиная является именно такой зоной, в которой происходят контакты с гостями-посетителями, и, соответственно, именно в интерьере гостиной возникает необходимость приспособления к соответствующим нормам того круга, с которым контактирует владелец дома» [Tränkle 1972: 106–107].

Эти же соотношения групповой принадлежности и материальной обстановки нашли выражение в концепции стиля жизни Бурдьё как продукта хабитуса: «Вкус, склонность и способность к (материальному или символическому) усвоению определенного класса классифицированных и классифицирующих предметов и практик есть формула воспроизводства, которая лежит в основе стиля жизни. Иными словами, в основе единого цельного комплекса дистинктивных предпочтений, в котором в соответствующей логике специфического символического субпространства — будь то мебель или одежда — проявляется одна и та же интенция выражения, демонстрации» [Bourdieu 1987 (1979): 283].

Модель гостиной как места репрезентации оказалась применимой и к моему материалу. Я исходила из того, что гостиная, а вместе с ней прихожая («Театр начинается с вешалки») пред-

полагают нахождение в них посторонних людей, не членов семьи, а значит, в некотором роде будут играть роль (ре)презентационных помещений, т.е. служить визитной карточкой дома и семьи. Эти помещения отличаются наибольшим порядком, продуманным интерьером, наполненным теми объектами, которые несут определенную информацию о семье / хозяевах и сообщают ее вовне.

«Мы проходим в гостиную. <...> Здесь шикарно: стены выполнены в том же стиле, что и весь дом. Это фахверковые балки оригинальной конструкции, между ними свежая побелка. Стена между проходной комнатой и этим помещением как таковая отсутствует: только несущие балки фахверка, между которыми нет ничего, обе комнаты сообщаются. На стенах гостиной висят большие картины с видами Бамберга, большое деревянное резное распятие, дорогие старинные резные фигуры святых, резная статуя св. Себастьяна, старые фотографии в рамах. [В примыкающем помещении] на стенах висят картинки и карикатуры известного художника Штенгеле с изображением Михаэля в одежде *гэртнеров*, сцены из бамбергской жизни, статуэтки садовников и *Хумзеры*» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 93].

Это отрывок из моего полевого дневника, описывающий первое посещение гостиной моего первого и впоследствии ключевого информанта Михаэля Нидермайера, с которым я чаще других сотрудничала на протяжении четырех лет. При повторном прочтении тогдашних записей в полевом дневнике бросается в глаза асимметрия в передаче интерьера: описанию собственно мебелировки и отделки (которые составляют ансамбль гостиной и являлись объектами исследования в указанных работах 1970–80-х гг.) уделено мало внимания, некоторые предметы мебели оказались и вовсе не упомянуты в дневнике (в частности, диван, стоящий посередине комнаты, и обеденный стол). Основной акцент сделан на описании второстепенных деталей, вещей, не выполняющих прагматической функции, но чрезвычайно многочисленных в интерьере и потому привлекающих внимание наблюдателя, — настенных украшений и иных декоративных объектов, так или иначе обыгрывающих профессиональную тематику.

Возникает ряд исследовательских вопросов: почему эти вещи так многочисленны и почему они находятся в интерьерах? Имеют ли они какое-либо особенное значение, выходящее за рамки прагматики, и какое? Что знают об этих вещах их владельцы и что связывают с ними? Как они связаны с принадлежностью владельцев к малочисленной и сильно романтизируемой в последнее время профессии?

Приведенный пример — не единственный: описанные вещи повторялись в домах других информантов-гэртнеров и не встречались в домах не-гэртнеров. Вместе с тем факт нахождения объектов с профессиональной тематикой в рабочих и приватных помещениях отмечается и в исторически сравнимой профессиональной группе рыбаков и корабельщиков Бамберга. Из материала наблюдений возникла гипотеза, согласно которой в изучаемой среде гэртнеров средством социальной репрезентации в гостиных и иных публичных помещениях дома выступают не ансамбли мебели, обстановка и стиль отделки, а именно эти объекты. Попытаемся проследить, что они репрезентируют.

Бамбергские гэртнеры как коллектив: идентичность и консолидирующие практики

Бамбергские гэртнеры представляют собой группу, обнаруживающую все признаки профессионального сообщества, которые вслед за В. Гуди выделяет Т.Б. Щепанская: консолидирующие членов сообщества чувство идентичности, система ценностей, общий язык, социальные границы [Щепанская 2008: 18].

Профессиональная группа земледельцев обладает устойчивым и четко выявляемым самосознанием. Проявляется оно в самоназвании, самоотнесении и самоутверждении. У профессиональной группы существует наименование, оно же служит самоназванием — *Bamberger Gärtner*. Оно употребляется для определения людей, занимающихся только традиционным овощеводством и активно ведущих свое дело в противоположность цветоводам (их называют *Blumengärtner*), вышедшим на пенсию или бросившим ремесло бывшим земледельцам (*ehemaliger Gärtner*) и особенно не связанным с земледелием горожанам — их называют “*Privatleute*”.

В среде *гэртнеров* функционирует механизм самоотнесения к своей группе, выраженный в понятиях «наш, относящийся к профессии по рождению, принадлежащий к *ферайну*» и противопоставлении своей группы не-*гэртнерам* и формирующий границы профессиональной группы. В Германии вся любительская (а в небольших коллективах и профессиональная) деятельность осуществляется в рамках зарегистрированных обществ (*e.V.* — *eingetragene Vereine*), *ферайнов*. В каждом есть свое правление, бюджет, составленный из членских взносов, и устав. Городские земледельцы Бамберга также составляют *ферайн*, сохраняющий и сегодня все функции и элементы цехового ремесленного общества. Помимо этого, существует строгая дифференциация между потомственными гэртнерами, входившими когда-то в бамбергское цеховое общество

(ныне в *ферайн*), и другими профессионалами, переехавшими в Бамберг и занимающимися тем же делом, но не имеющими связи с *ферайном*. Хотя последних гэртнеры и считают своими полноценными коллегами, но достаточно однозначно проводят границу между собой и ними. Отграничение от них проявляется в том числе в названиях: мы, “Bamberger Gärtner”, vs. другие, “Gärtner in Bamberg”. «Гэртнеры в Бамберге» исключены и из традиционных внепроизводственных практик, прежде всего — почетной обязанности украшать и нести фигуры святых во время религиозных процессий. Эти практики находятся исключительно в ведении потомственных овощеводов, участников ферайна и членов их семей, в том числе тех, кто не занимается земледелием и отдал предпочтение высокооплачиваемым профессиям с фиксированным рабочим временем. Как видно, происхождение является критерием, по которому происходит отнесение к кругу своих или исключение из него.

Утверждение и демонстрация своей групповой принадлежности проявляется в ряде действий и практик. Это, во-первых, повседневное использование социолекта в своей среде в противовес литературному языку горожан или даже франконскому диалекту округа. Речь гэртнеров представляет собой бамбергский вариант франконского диалекта, обогащенный специфическими терминами (названиями инструментов) и выражениями, ситуативными по происхождению, а потому функционирующими и понятными только внутри данной профессиональной группы (прозвища коллег, специфические приветствия, шутки, узколокальная топонимика, обозначения действий и т.д.). Во-вторых, активная религиозная жизнь и приверженность католической церкви. Этот аспект проявляется в практиках процессий и ношения фигур святых, участия в молебнах и ряде церковных служб и является на сегодняшний день одним из самых заметных отличий гэртнеров от современных горожан. Число прихожан постоянно сокращается, и только гэртнеры своим упорством и консервативной приверженностью традициям инициируют продолжение католической жизни. Демонстративным аспектом идентичности служит также ношение традиционной, вышедшей из употребления одежды (рабочий и воскресный комплексы) по определенным значимым случаям.

Дом овощевода и декоративные объекты в интерьере

Отечественная социология и антропология в последнее десятилетие обратилась к изучению профессий, сделав своей задачей описание и анализ такого аспекта, как неформальные тра-

диции профессиональных групп [Романов, Ярская-Смирнова 2008: 14], или профессиональные субкультуры [Щепанская 2008: 18]. Рассуждая о маркировании пространства в профессиональных субкультурах, Т.Б. Щепанская подразумевает специфическое оформление непосредственного рабочего места, локализованного внутри контролирующей организации [Щепанская 2008: 19, 30]. В случае рассматриваемой группы гэртнеров нельзя говорить о собственно «рабочем месте» как институте: основная деятельность овощевода протекает вне каких-либо помещений, в огороде или на пашне. Традиционно огород располагался (частично это сохраняется и сегодня) непосредственно за домом гэртнера. Часть производственных циклов осуществляется в доме (продажа продукции, общение с клиентами-покупателями, хранение продукции и рабочего инвентаря и т.д.). В этом состоит основная особенность дома гэртнера и его оформления, существенная для настоящего исследования: рабочее пространство примыкает или даже является продолжением частной сферы жизни профессионала; в свою очередь, жилой дом вовлекается в пространство профессии.

Изобразительные объекты: портреты, фотографии

Наиболее часто в качестве настенных объектов в рассматриваемых помещениях дома выступают фотографии и портреты членов семьи: черно-белое фото в прошлом известной в Бамберге Кунигунды Штюрмер, матери моего информанта, гэртнера Франца Штюрмера, за дойкой коров, портреты его деда и прочих предков [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 174]. В гостиной информанта М. Нидермайера, в родительской гостиной Г. Демута и прочих посещенных мною домах были зафиксированы старые черно-белые портреты и свадебные фото родителей, бабушек и дедушек [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 228, 356, 359, 370].

Американский психолог Михай Чиксентмихайи, исследовав в 1970–1980-е гг. процессы наделения значениями любимых вещей в жилом пространстве современных ему американцев, также выделяет фотографии как наиболее часто называемую категорию объектов и показывает, как в интерпретациях владельцев фотографии приобретают ценность особой, эмоционально нагруженной вещи, прежде всего в связи с воспоминаниями. Исследователь приходит к выводу, что созерцание фотографий служит главным механизмом сохранения памяти о близких людях и отношениях человека, и высказывает гипотезу, согласно которой фотографии в современном доме выполняют функцию символов умерших предков ранних эпох [Csikszentmihalyi, Halton 1981: 69].

Мои информанты комментировали фотографии аналогично — как объекты воспоминаний, как правило, частного характера, что вполне коррелирует с нахождением изображений в сфере жилого пространства: «И вот это воспоминания, точно так же, как ты смотришь в свой фотоальбом. <...> Это родители, дед и бабушка. Это была гостиная моих родителей. Разве у тебя дома не так?» [ПМА: 1].

В то же время старые портреты членов семьи встречаются и там, где помимо ближайшего круга хозяев находятся посторонние люди, в данном случае — клиенты-покупатели, т.е. в пространстве профессии: «Я попадаю в крытый двор-сарай, в котором находятся всевозможные овощи на продажу — здесь у фрау Окс лавка, она торгует овощами, а также множество интересных мелочей и деталей. На стенах висят старые портреты и фотографии — дед Элизабет, по фамилии Лауфер, отец Элизабет, тоже Лауфер, муж Элизабет, Андреас Окс, он умер 10 лет назад. Здесь висит цветной изразец в раме с изображением *Gärtnersfrauen* — жен бамбергских гэртнеров, в традиционном праздничном черном чепце с надписью: “*Elisabeth Ochs. Gärtnersfrauen Bamberg. Um 1800*”, керамический круг с изображением герба Бамберга, недавние цветные фотографии в рамках — рабочие моменты, снимки праздничной процессии, две старые фотографии в рамках с изображением одетых в традиционный костюм гэртнеров (нем. *Trachtengruppe Bamberger Gärtner*), керамическая памятная табличка с гербом садовников и надписью: “*Noch lebe das edle Handwerk der Gärtner*”. Герб изображает переkreшенную лопату и грабли, между которыми сверху — лейка, снизу — садовые ножницы и нож для спаржи; по краям два горшка с цветами и корнеплоды белого редиса дайкон» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 151–152] (ил. 1).

Как видим, торговая лавка достаточно разнообразно и пестро оформлена различными предметами, среди которых внимание привлекают фотографии, декоративные предметы и те же портреты родственников. Украшать рабочее место портретами членов семьи, особенно детей, — достаточно распространенная практика в Европе¹, которая интерпретируется как «одомашнивание» рабочего пространства, где протекает большая часть времени профессионала [Frieese, Wagner 1993: 91–92]. В рассматриваемом в данной статье материале ситуация иная:

---

¹ Достаточно упомянуть фотографии детей и супругов на письменных столах в офисах фирм или рабочих кабинетах институтов и музеев, которые мне случалось фиксировать в Берлине, Ратингене, Дюссельдорфе в разные годы. Хайдрун Фризе, в частности, интерпретирует их также как выражение персональной идентичности: «Дети, супруги, друзья вносятся в фотографиях в помещение и <...> участвуют в той части дня, из которой они исключены — <...> приватная сфера, которую демонстрируют общественности, в которой человек хочет показать себя личностью <...>» [Frieese 1993: 91].

Ил. 1. Портреты предков на стене в домашней лавке Элизабет Окс (1925 г.р.). Бамберг, 2009 г. Фото автора

обычно представлены портреты предков, умерших или старших представителей семьи. Этот факт находится в соответствии с приведенной выше особенностью бамбергских гэртнеров как профессии — наследственностью, связью с происхождением. Именно отцы, деды и прадеды почитаются действующими представителями профессии как источник трансляции профессионального знания и нерушимый авторитет. Многие семьи к тому же исконно специализируются на выращивании отдельных сортов овощей, хранят редкие ремесленные секреты и специфические знания. Каждая традиционная овощеводческая семья ценится профессиональным сообществом гэртнеров и обладает для группы также определенной знаковостью: «Моя девичья фамилия Лауфер, отец был Лауфер, известный гэртнер в Верхнем союзе» [ПМА: 7]; «Аннелизе Демут, в девичестве Рост: как и все жены гэртнеров в роду Демутов, она происходит из старинной бамбергской овощеводческой семьи» [Gemüseanbau 2000]; «В нашем роду были такие фамилии, как, например, Геналь, потом были Бетц, потом были Окс, Дойбер, конечно, Никель. Это все овощеводческие фамилии, они существуют до сих пор в Бамберге. Хотя некоторые уже не занимаются этим» [ПМА: 2].

Таким же значением обладают имена и персоны старейших гэртнеров, продолжающих практиковать свое ремесло и помогающих в хозяйстве своих детей, о которых специально публи-

куются заметки в местной прессе: «Представитель старинного рода овощеводов Демут, ведущего свою историю с 1650 г., 94-летний Йоханн Демут, на сегодняшний день старейший член Нижнего союза овощеводов, не прекращает работать в хозяйстве своего сына Георга и невестки Аннелизе, выводит семена редиса и салата, пикирует рассаду и иногда работает на машине во время высадки в грунт» [Gemüseanbau 2000].

Наряду с портретами в оформлении рабочего и частного пространства гэртнера встречаются групповые или жанровые изображения. Многие из них представляют историческую ценность как изобразительный источник — это оригиналы фотографий профессиональных союзов бамбергских овощеводов (Нижнего союза и Верхнего союза) в традиционных комплексах праздничного костюма, выполненные в конце XIX — начале XX в. Они типичны и встречаются во многих домах информантов, а также представлены в Музее садовников и овощеводов Бамберга.

«Во внутреннем дворе на стенах, преимущественно в поле зрения гостей и посетителей, висят: старая фотография в деревянной раме 1948 г. — процессия на Fronleichnam, статуя св. Себастьяна; старая гравюра с изображением эпизода из жизни Bamberger Gärtner XIX в.: “Bamberger Gärtner am Morgen beim Verladen von Gemüse zur ‘Ohnifahrt’” (нем. «Бамбергские гэртнеры утром за погрузкой овощей для отправки на иногороднюю продажу») <...>, две старые групповые фотографии: одна — группа детей бамбергских садовников в детском саду с воспитателями-монашками» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 176–177].

Если внутренний двор дома выступает преимущественно в качестве рабочего места, то встает вопрос об участии указанных изображений в профессиональных практиках. В успешной продаже продукции конечному потребителю, по словам моих информантов, большую роль играет коммуникативный фактор, помогающий выстраивать индивидуальное отношение к клиенту. По сути дела, фотографии выступают одним из поводов вступить в беседу и одновременно помогают конструированию «той самой» традиционной среды в процессе коммуникации гэртнера и его клиентов в лавке: «Клиенты спрашивают часто, кто это и что это, и особенно про эту [фотографию с изображением группы с процессионной фигурой Себастьяна. — Ю.Б.], 1948-го, где это и кто это, они хотят многое знать про гэртнеров, как было раньше и как есть сейчас, точно, как ты сейчас. И фотографии неотделимы от этого. <...> Не все, конечно, смотрят и спрашивают про фотографии. Но есть некоторые, кто всматривается и говорит: “О Боже, когда же это было?” Да, да, это как бы среда, в которой они покупают, картинки создают рамку. Представь,

если бы это было иначе — скажем, просто без единой картинкой и с мебелью от ИКЕА, или совсем простой двор без фотографий и без... да? Очень много картинок тоже сбивает с толку и давит на человека, хотя это относится к нашему делу, фото гэртнера должно быть. Я уже раньше говорил, у моего деда всегда висел пейзаж во внутреннем дворе, это было поле или огород чей-то, какого-то гэртнера, самодельная картина, невестка его рисовала» [ПМА: 1].

Таким образом, нахождение изображений предков в рабочих помещениях дома в контексте профессии может быть интерпретировано как конструирование исторической обстановки, а также как актуализация связи с традициями и легендарными представителями ремесла. Используя терминологию и интерпретации Щепанской, можно говорить о «персонификации пространства в виде портретов предшественников в профессии» [Щепанская 2010: 166].

Во всех домах информантов представлены, помимо указанных, фотографии последних лет (1970–2000-е гг.), изображающие их самих вместе с коллегами за работой. Например, изображения хозяина на поле за пикированием саженцев, уборкой и очисткой овощей, в сопровождении детей и старшего поколения семьи гэртнеров и т.п. Среди производственных процессов, представленных на фотографиях, выделяется более не применяемая практика удобрения полей навозом с подводы. Этот рабочий процесс также соотносится с прошлым профессиональной группы (когда содержание домашнего скота было узусом) и таким образом становится для сегодняшних гэртнеров знаковой практикой. В этом смысле знаковыми становятся все рабочие практики, имевшие место до технизации земледельческого процесса и массового производства продукции (дойка коров, перевозка грузов на коровьей подводе и т.д.). На фотографии с подобным содержанием часто особо указывается в интервью: «Помню, что маленьким мальчишкой я уже помогал с рыхлением почвы. Те фотографии, где я совсем маленький ползаю на коленях с тяпкой между рядами порея. Или где стою на прицепе, на котором навалены кочны капусты *вирзинг*¹, и *вирзинг* размером такой же, как я, остроконечный *вирзинг*, бамбергский. Да, это было давно. Так что мы, дети, тогда уже ходили работать в поле» [ПМА: 6]. Это интервью было записано от молодого потомственного гэртнера, который прошел все необходимые ступени современного образования и обучения мастерству овощевода, включая зарубежные практики, и на момент нашего общения работал в единственном

---

¹ Нем. *Wirsing* 'савойская капуста'.

рентабельном крупном сельскохозяйственном хозяйстве Бамберга, выращивая продукцию для сетей супермаркетов.

Через актуализацию подобных воспоминаний и объективацию их в фотографиях на стене посещаемых помещений дома, очевидно, воссоздается преемственность поколений, а также связь сегодняшних молодых представителей профессии с профессиональными традициями, былыми методами работы, многократно описанными в хрониках современников, и со знаменитыми предшественниками в профессии. В конечном итоге они участвуют в конструировании профессиональной идентичности «бамбергского гэртнера по происхождению». Расположение фотографий с изображением жанровых сцен из жизни гэртнеров прошлого в пространстве дома информантов, переориентировавших свое производство согласно коммерческой рентабельности или вовсе ушедших из профессии, можно рассматривать и как проекцию традиционных профессиональных норм на поколение гэртнеров, переживающее, по сути дела, закат профессии и слом своей идентичности.

Еще один мотив, часто встречающийся на фотографиях, висящих на стенах репрезентационных помещений, — различные исключительные события официального или праздничного характера: приветствие федерального канцлера, вручение титулов или наград, шествия в городах-побратимах, во время юбилейных празднеств, праздничных религиозных процессий. Например, серия фотографий супругов М. и П. Дойбер в традиционных праздничных костюмах гэртнеров Бамберга во время встречи с федеральным президентом в Берлине или же серия фотографий тех же супругов в тех же традиционных нарядах, преподносящих корзину бамбергских овощей Ангеле Меркель во время ее визита в сентябре 2008 г. в Бамберг [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 205]. Фотографии представляют достаточно красочные сцены, что достигается прежде всего за счет яркой традиционной одежды, в которой гэртнеры участвуют в подобных событиях, а также обилия разнообразных цветов и овощей, всегда живописно декорированных, — либо в качестве благодарственного подношения высокой особе, либо декора алтаря, повозок в процессии и т.д. Очевидно, что выбор таких фотографий для экспонирования на видном месте не исчерпывается их красочностью, но обусловлен содержательной стороной, которая раскрывается в комментариях информантов: «Тут наш бургомистр праздновал день рождения. И мы пошли туда в своих традиционных костюмах, поздравляли его, подавали ему корзину сельдерея и лука. А тут был Штойбер¹ в Бам-

---

¹ Эдмунд Штойбер, премьер-министр Баварии с 1993 по 2007 г.

берге, и нам сказали: “Нужны гэртнеры”. Это мы в Филлахе¹, это министр иностранных дел Кинкель² в Бамберге, а это французский министр иностранных дел был в Бамберге, и мы опять были востребованы. Это в Познани, это наш бургомистр перед ратушей Познани, и мы снова были в традиционных костюмах. Но тут праздничный костюм. Это приезжал министр экологии в Бамберг, это снимали фильм о познанских и бамбергских гэртнерах, это снова в Филлахе, это Себастиан и Анна, тоже одетые гэртнерами, во время праздничного шествия, и тут мы несем свои овощи. <...> Здесь во время заявки на звание культурной столицы <...> Гэртнеры многочисленны [на таких мероприятиях], они представляют Бамберг» [ПМА: 4].

Изображенные события оказываются значимыми для группы в профессиональном смысле в силу того, что представляют собой документацию достижений профессионала в своей сфере (если речь идет о награждениях) или же сигнализируют об особом положении профессионала (в случае выбора его для приветствия известных государственных лиц). Упомянутые в приведенном отрывке события, отраженные также на фотографиях, важны для обеих сторон — и профессиональной группы, и города Бамберга. Локальный и профессиональный дискурсы оказываются взаимосвязаны: город Бамберг, включенный в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, обязан этим именно гэртнерам, продолжающим населять город-памятник своими (все еще) живыми и уникальными традициями, именно поэтому гэртнеров приглашают выступать *pars pro toto*, и они олицетворяют в различных мероприятиях в самом Бамберге и за его пределами свой город, являясь его визитной карточкой. Для самой изучаемой группы участие в подобных демонстрационных мероприятиях позволяет актуализировать (помимо патриотизма) значимость профессии в эпоху ее фактического заката. Ключевые выражения в приведенном отрывке из беседы — «мы нужны», «мы востребованы». При этом упомянутые уникальные традиции гэртнеров, к которым апеллируют информанты в своих рассказах, в настоящее время оживают фактически только в подобных инсценировках и организованных постановочных действиях, объективированным свидетельством которых и служат фотографии на стенах презентационных помещений.

¹ Филлах, город в Австрии, партнерская община Бамберга.

² Клаус Кинкель, министр иностранных дел Германии с 1992 по 1998 г.

Документы и тексты

Особым видом настенных объектов в домах гэртнеров являются документы и свидетельства, помещенные в раму со стеклом. Набор таких документов не отличается разнообразием, их всего три вида — письма о присвоении звания мастера (“Meisterbrief”), сопроводительное свидетельство о вручении Федерального креста за заслуги и благодарственные письма религиозных католических братств. Первые два вида документов со всей очевидностью относятся к сфере достижений информантов, в том числе в профессии, и имеют официальный характер.

Они не уникальны. Звание мастера получает молодой профессионал, закончивший обучение и трехлетнюю производственную практику, после сдачи экзамена. В ряде ремесленных специальностей существует формальная необходимость получения звания мастера для открытия собственного производства, руководства им и обучения молодых кадров. Как правило, письма о присвоении «мастера» встречаются на стенах производственных или торговых помещений мясных, пекарных лавок, залов пивоварен и т.д. У гэртнеров же, ввиду указанного отсутствия рабочего места как института, эти официальные документы помещаются в пространстве дома (гостиной и прихожей) и потому рассматриваются как детали интерьера.

Звание мастера в профессии овощевода / садовника, по современным канонам, не является обязательным требованием для достижения вышеперечисленных целей (кроме права обучать и экзаменовать), и многие из уважаемых и опытнейших гэртнеров, как выяснилось, не имели данного титула. И все же даже для них документ оказывается важным, а у имеющих его — обретает видное место в помещении. Размещение документа на стене интерпретируется самими информантами как некое достижение сверх необходимого и достаточного: «Это признание. Когда ты в спорте занимаешь первое место, ты тоже ведь получаешь грамоту. И так же выделяют человека, и мастер — это уже что-то выходящее за рамки обычного, и это, конечно, вешают на стену» [ПМА: 1].

Свидетельство о присвоении звания мастера, очевидно, маркирует профессиональное пространство. Наиболее отчетливо эта его роль проявляется, когда документ помещается на стену внутреннего двора, т.е. торговой лавки — пространства, в котором взаимодействуют профессионал и клиенты. Званием мастера (как и его материальным выражением в виде сертификата на стене) профессионал демонстрирует клиентам и коллегам достижения в профессии и степень своего соответствия ей. И если коллеги (в силу малочисленности сообщества) освещают

домлены о титулах друг друга, то клиенты могут получить доступ к подобной информации только через специально демонстрируемые им документы: «Если у тебя лавка, тогда надо вешать в лавке, так ведь? Или во внутреннем дворе, получается, чтобы клиенты видели: ага, этот — мастер, он понимает немало больше, чем “нормальный”, в кавычках, конечно. Так это действует на клиентов» [ПМА: 1]; «Сейчас оно висит в гостиной. Потому что у меня не было помещения для торговли. Когда будет готова лавка Себастиана, мое свидетельство мастера перевесим туда и Себастианово тоже» [ПМА: 5]. В отношении клиентов, кроме того, письмо о звании мастера призвано сигнализировать о качестве продукции и уровне услуг в хозяйстве: «Это значит, что ты имеешь квалификацию. Это не просто получить свидетельство. Оно показывает, что ты получил квалификацию, умеешь работать с растениями и знаешь экологические требования» [ПМА: 5]. Фотографии, на которых зафиксировано вручение наград и орденов, находятся в том же ряду документов, свидетельствующих о достижениях профессионала.

Иные документы и тексты, рассматриваемые в этом разделе, — различные благодарности за участие в религиозной жизни Союза гэртнеров; особо — церковные документы, свидетельства о членстве в религиозных католических братствах. Несмотря на, казалось бы, непрофессиональный характер этих документов, они также могут быть рассмотрены в контексте профессии гэртнера. Напомню, что участие в религиозных процессиях рассматривается для изучаемой группы как неотъемлемая практика профессиональной жизни, служащая подтверждением общности, элитарности, избранности представителей профессии, своеобразным «ритуалом консолидации» [Щепанская 2008: 30] среди бамбергских гэртнеров «по происхождению»: «Вот еще свидетельства от Братства пяти ран <...> Нас было тогда шестеро, пятеро из Нижнего союза и я, один-единственный, — из Верхнего. Мы начали (носить фигуры) с пятнадцати с половиной лет и так 38 лет подряд носили св. Себастьяна <...> У нас была такая дружба! У нас не было ни одной ссоры никогда» [ПМА: 9].

Гэртнеры являются единственным цеховым объединением, у которого несколько святых покровителей и, соответственно, столько же процессионных фигур. Во время крестного хода на празднике Тела Господня гэртнеры составляют большинство. Мотив богоизбранности постоянным рефреном присутствует в символикe (в прошлом цехового) объединения гэртнеров и неформальной традиции. Так, главной процессионной фигурой служит группа “Christus als Gärtner” — Христос-садовник и Мария Магдалина. Это композиция из двух фигур, представ-

ляющая библейскую сцену в Гефсиманском саду, когда Мария Магдалина приняла встреченного ею Христа за садовника. Тот же эпизод представлен и на раритетном цеховом знамени. Отождествление Христа с садовником является основой «мифа» о происхождении профессии гэртнера, а упомянутые фигуры и изображения служат проекцией библейских первооснов на профессию. Неслучайно в повседневном общении эта фигура называется “Masterbild” (нем. «фигура мастера»). В неформальном дискурсе этот конструкт проявляется в постулате о том, что гэртнер в наибольшей степени зависим от воли Бога (погода, урожай / неурожай), и в вере, что сам Христос покровительствует и помогает гэртнерам. Этим объясняются и легитимируются глубокая, почти страстная религиозность всех представителей изучаемой группы и важнейшая роль католических ритуалов в сопровождении производственной деятельности.

Итак, церковные документы также оказываются непосредственно связанными с идентичностью группы, которая не исчерпывается лишь профессиональным признаком, но расширяется конфессиональной составляющей. Религиозный план идентичности гэртнеров находит отражение в настенных объектах интерьеров — как в виде описанных документов, так и в виде распятий и фигур святых, помещенных в личные покои или презентационные комнаты.

Сувениры и декоративные предметы

Другим часто выявляемым элементом оформления пространства дома гэртнера оказываются некоторые предметные атрибуты, имеющие на первый взгляд исключительно сувенирную направленность. Наиболее часто встречающийся пример — керамические однотонные изразцы с изображением герба и земледельческих орудий, описание которых приведено в отрывке из дневника выше. Помимо предметных символов табличка снабжена высказыванием “Hoch lebe das edle Handwerk der Gärtner” (нем. ‘Да здравствует благородное ремесло садовников’), служащим лозунгом гэртнеров, а в неформальном дискурсе — главным и единственным внеситуативным тостом во время праздничных застолий.

Среди указанных предметных атрибутов выделяются также фарфоровые тарелки и вазы фабричного изготовления конца XX в. с росписью, представляющей сцены из праздничной и повседневной жизни Бамберга XIX в. Сюжеты постоянны и повторяются: это женщины в традиционных праздничных костюмах или сидящая на площади торговка со своей продукцией на фоне известных строений и памятников Бамберга.

Ил. 2. Изображение жен гэртнеров в традиционных праздничных костюмах на настенной фарфоровой тарелке. Бамберг, 2009 г. Фото автора

Изображение сопровождается памятными надписями, которые отсылают к юбилейным датам Союза овощеводов (ил. 2).

Значением обладают не сами объекты (предметы посуды), а изображения на них. Изображенные на тарелках сцены также вполне прочитываются в контексте профессии бамбергских овощеводов. В частности, неслучаен выбор в качестве мотива сцен с традиционными костюмами, поскольку одно из демонстративных проявлений идентичности гэртнеров заключается в ношении традиционной одежды. В этом факте групповая идентичность наиболее тесно переплетается с локальной — городской бамбергской. Надо сказать, что благодаря упорству, консервативности и традиционности гэртнеров их костюм на сегодняшний день остается единственным видом исторической традиционной одежды Бамберга. При этом праздничный комплекс городской одежды, известный по собраниям Германского национального музея как «бамбергский», наиболее продолжительно использовался в среде земледельцев. Оттого в XX в. и в настоящее время он ассоциируется исключительно с гэртнерами. Два комплекса костюмов земледельцы хранят в своих домах, а также в фондах музея Gärtner- und Häckermuseum Bamberg, надевая их по определенным праздникам. Костюм служит демонстрацией богатства и древности профессиональных традиций бамбержцам, а в Новейшее время — и гостям города. Ношение традиционного костюма гэртнерами служит

одним из проявлений их выраженного поклонения прошлому и традициям: «Это вообще большая честь — участвовать в шествиях, честь для тех, кто шествует в традиционных костюмах. Когда, например, наш *пфаррер* уходил на пенсию, многие гэртнеры пришли в своих традиционных костюмах, это всегда нечто особенное, если ты надеваешь эту одежду. Смотри сюда, это традиционный костюм. Это рабочая одежда. Тут я написал: “Только по особым случаям или праздникам гэртнеры надевают традиционную одежду”» [ПМА: 4]. Показательно, что этот отрывок записан от гэртнера «по происхождению», для которого, однако, земледелие не является источником дохода и основной занятостью. Его принадлежность к группе заключается в несколько гипертрофированной демонстрации символики и проигрывании традиций гэртнеров по заказу городских властей, участии в организованных инсценировках, а стиль жизни его семьи напоминает игру в исторические реконструкции.

Итак, изображение персон в традиционных костюмах на памятных сувенирных объектах, помещенных в гостиной, кухне или дворе, имеет прямое отношение к профессии, служит еще одним примером проекции профессиональной идентичности в приватно-публичное пространство дома и прошлого — на современность. Несмотря на сувенирный характер объектов и их не замечаемую привычность для хозяев дома, они высоко ценятся гэртнерами. Во всяком случае на мое сообщение об удачной покупке одной такой сувенирной тарелки на рынке антиквариата за мизерную сумму мой информант полушутя предложил перекупить ее в десять раз дороже.

Данные вещи имеют привязку не только к ремеслу земледельца в целом, но и к конкретным памятным событиям в профессиональной жизни (все мои информанты получили описанные тарелки, кружки или вазы от председателя Верхнего союза овощеводов в связи с юбилейной датой в ходе празднования или на личные юбилеи), а потому превращаются в своего рода «биографический объект», о котором писала Джанет Хоскинс: когда путь вещей (случайно) пересекается с судьбой владельца, они могут стать ключевыми объектами его идентичности и таким образом обрести новые значения, стать биографическими и участвовать в субъективном конструировании жизненной истории [Hoskins 1998].

Модели инструментов и манекены

Специфическими предметами для профессиональной группы бамбергских гэртнеров являются куклы и фигуры в традиционной одежде и модели (уменьшенные копии) характерной утвари гэртнеров. В домах всех опрошенных информантов они

располагаются на видном (даже в некотором роде «почетном») месте, в помещениях, имеющих презентационную функцию и рассчитанных на присутствие гостей — прежде всего коллег по ремеслу, — в гостиной, парадной прихожей, на главной лестнице: «На площадке второго этажа дома Ханса и Катарины Штроблер <...> стоит деревянный шкаф со стеклянными дверями. В нем выставлены две куклы (высотой до 50 см), за ними уменьшенная копия традиционной ручной тележки *шубкарре*, наполненной разноцветными овощами, этажом ниже две куклы — гэртнер и его жена в традиционном рабочем костюме; мужчина везет ручную тележку с капустой, морковью, редисом и салатом, его жена держит характерную корзину *шенце* с цветной капустой и иными овощами. В прихожей квартиры висит фото родственников в традиционной одежде бамбергских садовников — женском (“*Humsera-Tracht*”) и мужском костюме с соломенной шляпой. Под фотографиями на стене висит еще одна фигура — в ней узнается легендарная *Хумзера* в своем рабочем платье, держащая два кочна цветной капусты. Это был подарок друзей для Катарины Штроблер, хозяйки дома» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 156].

Эта группа вещей уникальна и имеет распространение только в среде гэртнеров, поскольку копирует их самих. Очевидна единая природа этих объектов с описанными и интерпретированными Щепанской антропоморфными объектами: по терминологии автора, они представляют собой также персонафикацию пространства, служат проекцией тела профессионала в пространство профессии [Щепанская 2010: 169–172].

Таковыми же уникальными объектами являются уменьшенные копии традиционных орудий труда и утвари гэртнеров, выставленные на видных местах в анализируемых помещениях дома. Сами земледельческие орудия, вышедшие из употребления по причине механизации производства, несут символическую нагрузку в силу своей уникальности: бамбергскими гэртнерами были разработаны и производились локальные формы утвари и инструментов: тележка *шубкарре* (ил. 3), корзины различных форм *шенце* и *крэце*, орудия обработки земли, тяпки *бекфредде*, *хакфреде*, *корш* и т.д. В контексте профессии даже копии обычных лопат, граблей, леек приобретают символическую нагрузку как модели традиционных атрибутов профессии садовников и земледельцев. Неслучайно именно они изображены на гербе гэртнеров.

Наполнение рабочих помещений нефункциональными объектами, представляющими атрибуты деятельности или обыгрывающими их в профессиональном контексте, — как представляется, типичное явление в консолидированных профессио-

Ил. 3. Уменьшенная копия традиционной тележки Schubkarre во дворе (торговой лавке) Георга Демута. Бамберг, 2009 г. Фото автора

нальных сообществах. Так, цеховая комната¹ общества рыбаков и корабельщиков (Schiffer- und Fischerzunft Bamberg) города Бамберга содержит ряд объектов, очень схожих с анализируемыми мной: вдоль стен на специальных полках располагаются уменьшенные копии рыболовных снастей, традиционно использовавшихся на реке Регниц, модели лодок, сетей, памятные бокалы с изображением рыболовной символики, деревянные резные панно с изображением различных пород рыб и т.д. [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 206–210]. Сходство обеих профессий в том, что они в силу своей утраченной рентабельности из основной занятости превращаются в дополнительный приработок, граничащий с хобби. И как любое хобби эта занятость сопровождается сильным эмоциональным отношением и привязанностью, свойственными увлеченным людям. Для сравнения: помещения спортивных клубов и обществ по интересам в Германии (нем. Verein) сходным образом демонстрируют объективированную символику своих объединений в качестве декора — наградные шайбы, костюмы, изображения, флаги и медальные нагрудные подвесы у стрелков; призовые кубки, детали формы и фотографии команд у футболистов [АМАЭ.

¹ Нем. Zunftstube (или Zunftlokal) — специальное помещение, выделяемое цеховым обществом для собрания коллектива с целью решения текущих вопросов, а также празднования профессиональных (цеховых) событий, неформальных сборищ, игр в карты и посиделок за кружкой пива. В цеховой комнате, кроме того, традиционно хранились важные цеховые реликвии и документы.

К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 152, 186]. Различие с описываемой ситуацией овощеводов состоит лишь в месте расположения объектов: ввиду отсутствия у них институционализованного рабочего места, а в настоящее время и единого помещения для неформальных встреч объекты находятся дома.

Развитие от занятости к хобби, по всей вероятности, свойственно старинным традиционным профессиям, возникшим из локальных промыслов и ремесел и связанным с уходящим в прошлое ручным производством. Напомню, что отчасти сходная судьба была у горняков Эрцгебирге (Саксония): зимой в свободное от работы в рудниках время они изготавливали для детских забав деревянную игрушку, которая представляла собой горняка в традиционной одежде, головном уборе с профессиональной символикой и инструментами, а с середины XIX в., после того как запасы полезных ископаемых в этом регионе были исчерпаны, резная деревянная игрушка стала приносить основной доход оставшимся без работы горнякам [Schrader 1985: 17]¹.

Вещи-модели единичны: как правило, они выполнялись по заказу или лично автором-художником к определенной значимой дате в жизни профессионала. К слову, упомянутые в качестве сравнения модели рыболовных снастей — также творение рук конкретного человека: их изготавливает в свободное от работы время старейший член цеха рыбаков и корабельщиков Баптист Кропф [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 208]; его работы (как подарки на особые даты) встречались и в домах рыбаководственников². В качестве подарков, адресованных одними коллегами другим, они выполняют функцию подтверждения их общности, за зрительным образом даримой фигуры стоят скрытые и понятные только профессионалам смыслы, вызывающие цепочки ассоциаций или общих воспоминаний, апеллирующие к общим символам профессии.

Одним из символов профессии бамбергского овощевода можно считать знаменитую фигуру Хумзеры, которая многократно встречается в дневниковых записях. Хумзера — это реально существовавшая женщина, жена бамбергского гэртнера

¹ Как параллель к ситуации в памяти возникает эпизод из «Алых парусов» А. Грина: «Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что, в силу характера работы, отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний» [Грин 2014: 11].

² «Кроме этих личных призов на полках стенки [в доме Йозефа Кропфа] выставлены фигурки рыбаков и Fischerstecher, ладьи, шельхи и т.д. Сепп достает шельх и рассказывает, как называются и для чего используются отдельные детали судна и орудия промысла» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 148].

Зеемюллера с улицы Хайлигграбштрассе, 64, по прозвищу Humser¹. Согласно опубликованным источникам, она умерла в 1910 г. в возрасте около 75 лет и по роду деятельности была не садовницей, торговавшей своими овощами на рынке, а исключительно рыночной торговкой, продававшей преимущественно чужой товар. Прославилась она вспльчивым характером, острым языком и вульгарностью, особенно по отношению к придирчивым покупателям. Так, известный эпизод (вероятно, неоднократно повторявшийся), когда она ругает отборными непристойными словами отказавшегося покупать ее товар молодого человека, а в довершение всего задирает юбку и показывает ему свой зад, описан в биографических заметках гэртнера Ханса Роста [Rost 1909: 20], а затем повторяется практически во всех работах, посвященных традиционной культуре гэртнеров [Wussmann 2002: 148]. Хумзера воплощает характер огородницы-торговки² — острая на язык, прямодушная, но и символизирует внешнюю атрибутику и образ этих женщин: неподвижная, тучная, в характерной рабочей одежде и головном уборе, в окружении овощей. Фигурки Хумзеры (или просто торговки овощами) как авторские работы чаще всего фигурируют в качестве даримого символа. Их выполняют из глины, камня, искусственных пластических материалов, в виде тряпичных кукол и пр. (ил. 4). В контексте профессии земледельца легко узнаваемая фигурка тучной подбоченившейся женщины в переднике играет роль своеобразного манекена или образа самого представителя профессии.

Знаковость и эмоциональность восприятия сувенирных фигурок, изображающих представителей группы, связаны, помимо указанных причин, с их происхождением: они были выполнены или подарены коллегами-друзьями, родственниками или предками к памятным событиям жизни: «Это тоже Хумзера. Подарили моему мужу на 50-летие. Красавица, да? Это работа Клеесе, это такой художник здесь в Бамберге, резчик по камню. Хумзера, своенравная и широкая» [ПМА: 4]; «Эти фигурки делает мой свояк, тоже Ханс Штроблер <...> там (живет), через улицу. Ну вот как-то сделал к нашему юбилею — это из ткани, это, наверное, из соленого теста» [ПМА: 8]. Практика дарения фигур-символов актуальна и в настоящее время: во время моей работы в Бамберге мои основные информанты праздно-

¹ Прозвища (бамб. Hausnamen) были отличительной чертой неформальной культуры гэртнеров. Их происхождение было продиктовано необходимостью дифференцировать отдельные семьи в ряду многочисленных однофамильцев. Хумзера является женским вариантом от Хумзер, 'жена Хумзера'.

² Способ словообразования русского языка здесь как нельзя лучше отразил бы суть персонажа — «гэртнерша». К тому же в бамбергском диалекте женский род в словах, обозначающих деятеля, маркирован, кроме артикля, постфиксом -a (a Gärtner — a Gärtnera, см. выше Humser — Humsera), что придает слову звучание, сходное с привычным русским.

Ил. 4. Тряпичная кукла в традиционном рабочем костюме «Хумзеры» в прихожей дома Элизабет Окс. Бамберг, 2009 г. Фото автора

вали серебряную свадьбу, к которой друзья преподнесли им инсталляцию из сложенных узором молодых овощей — моркови, кабачков, порея и фенхеля, в центре которой располагалась керамическая фигурка Хумзеры [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 237].

В вещах-подарках, как представляется, присутствует та личностная связь через дарителя / изготовителя, которую анализирует В.Н. Топоров: «...вложенный в вещь “овеществленный” человеческий труд также связывает вещь с человеком и нередко становится предметом “сентиментальных” и эстетических переживаний» [Топоров 1993: 92]. Сентиментальное переживание обладателем вещи артикулируется информантами через мотив воспоминания о людях, семейных событиях, приятных сюрпризах: «Например, золотая свадьба или бриллиантовая свадьба наших родителей, мы отмечали — там такая из дерева вырезанная [тележка. — Ю.Б.] во дворе стоит. <...> Это воспоминания» [ПМА: 1]; «Думаю, это был подарок на день рождения. Это было как-то так: они знали, что я довольно сильно привязан к своей работе. Фигурки из соленого теста, понимаете, поэтому я удивляюсь, насколько долго они держатся. И вот, они делали тогда разные вещицы из теста и вот сделали эту пару гэртнеров» [ПМА: 2]. Тезис о сентиментальной привязанности к вещам, основанной на личном пересечении человека и вещи, перекликается с различными концепциями, в частности с упомянутой Дж. Хоскинс о биографическом объекте, когда чувство приобщения к вещам человека и его жизни основано не на функциях вещей, но на их признаках, внутренне пережитых человеком и соотносенных им с теми или иными моментами своей жизни (ср. [Csikszentmihalyi, Halton 1981: 37, 61–62; Топоров 1993: 93; Hoskins 1998]).

Сентиментальность по отношению к вещи имеет и иную плоскость — когда вещь выступает символом идеалов группы, в данном случае — профессионального сообщества. Эмоциональное отношение к описанным моделям коррелирует с романтическим переживанием гэртнерами своей профессии, аффективным отношением к ней: «Гэртнеры все очень гордятся своими традициями. Это очень важно. Я, правда, очень любил свою профессию. Я стараюсь всегда и моего Ханнеса [внука. — Ю.Б.] убедить: это самая лучшая профессия, которая только бывает. Вы знаете китайскую поговорку? Нет? Если ты хочешь быть счастлив один день — напейся. Хочешь быть счастлив неделю — забей свинью. Хочешь быть счастлив год — женись. Если же ты хочешь быть счастлив всегда — стань садовником» [ПМА: 9].

Профессия и город: актуализация локальной идентичности

Еще одна интересная плоскость представления знаковых вещей в интерьере / пространстве профессии гэртнера — это вписывание локальной культуры / истории Бамберга как города и гэртнеров как одного из его сословий в универсальный исторический процесс, в частности в библейскую историю. Здесь мы снова возвращаемся к религиозности гэртнеров как отличительной черте идентичности. А речь идет о таком неотъемлемом явлении католической религиозной жизни, как рождественские вертепы — сцены библейских событий, связанных с рождением Иисуса Христа, выполненные в фигурах, вписанных в определенный фон. Особый феномен региональных вертепов подразумевает представление евангельских событий в узколокальной традиции, как правило, связанной с родиной автора вертепа. В нашем примере таковой является топография овощеводческих районов Бамберга и внешняя атрибутика сословия овощеводов. При обязательном наличии вертепов в домах католиков, именно таких — регионально специфических — всего два, и принадлежат они одному автору — гэртнеру Йоханнесу Штроблеру-старшему (1929 г.р.). Фигуры и фон для церковного вертепа, представленного в правом приделе Отто-кирхе, он изготовил в начале 1980-х гг.¹ Для исследуемых жилых помещений интересно явление домашнего вертепа, который ежегодно устанавливается в парадной комнате дома (гостиной) в предшествующие Рождеству недели. В доме автора вертепа, Штроблера-старшего, кроме того, в прихожей установлена стационарная сцена Рождества — Иосиф и Мария, склоненные над младенцем в яслях. Показательно, что святое семейство представлено в праздничной одежде бамбергских садовников (треуголке и черном чепце с крыльями, красно-синем костюме) — той, что изображается на сувенирных тарелках и иных объектах [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 173] (ил. 5). В свободное от сезонных работ на земле время Штроблер изготавливал не только вертепы, но и описанные выше фигуры *гэртнеров* в исторических костюмах. Такие фигуры он дарил коллегам и друзьям. Включение групповой (профессиональной) символики в вертеп как важнейшую библейскую сцену католической традиции служит одним из примеров объективации социальной, религиозной и локальной идентичности, вписывания универсальной христианской идеи в свой социокультурный контекст — контекст Бамберга и его овощеводов.

Одна из ярких иллюстраций переплетения локального, религиозного и группового планов идентичности гэртнеров —

¹ Подробнее см.: [Иванова-Бучатская 2011: 28–29].

Ил. 5. Фигуры Иосифа и Марии с младенцем в виде бамбергских гэртнеров. Авторский вертеп в доме Йоханнеса Штроблера. Бамберг, 2009 г. Фото автора

упоминание информантки о приобретении их семьей дорогостоящих резных фигур для домашнего вертепа работы тирольских мастеров во время путешествия по Италии, которое сопровождалось следующим обоснованием покупки: супруги посчитали вложение нескольких сотен евро в нефункциональные объекты оправданным, а сами фигуры — необходимым долгосрочным приобретением, поскольку «в Бамберге каждый, особенно гэртнер, должен иметь дома ясельную сцену в Рождество» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 93].

Так мы подошли к еще одной, достаточно малочисленной группе декоративных вещей в пространстве дома. Я имею в виду гравюры или живописные полотна с изображением сцен традиционной жизни гэртнеров в XIX в., видов традиционного квартала овощеводов и главных доминант самого Бамберга. Указанные работы в большинстве случаев принадлежат кисти местного художника Эдгара Штенгеле и были мною зафиксированы только в двух домах гэртнеров.

Так, в гостиной и проходной столовой семьи информантов Нидермайеров висит акварель, на переднем плане которой изображен их огород, а на заднем — силуэты овощеводческого квартала Бамберга. Над сундуком висит еще одна картина — подарок художника на юбилей Михаэля Нидермайера — снова Бамберг; на переднем плане огороды на Миттельштрассе, на заднем — силуэты города: Бамбергский кафедральный собор, Михельсберг, Альтенбург. Обе картины рисовал для Нидермайеров упомянутый Эдгар Штенгеле. Для информантов эти предметы составляют особую гордость [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 227–228].

Рассуждения о бамбергской идентичности в отношении гэртнеров видятся неизбежными по историческим причинам. Гэртнеры имеют особый статус в Бамберге и свою историю взаимоотношений с городом. Сегодняшним представителям профессии хорошо известен исторический факт, что в XVI в. гэртнеры создали славу городу своей продукцией, прежде всего — массовым производством солодки, употреблявшейся в аптекарском деле и в качестве заменителя дорогого заморского сахара. Изображение солодки и ее сплетенных в венки корней помещено на знаменитой карте города 1602 г. топографа Петера Цвайдлера и тиражируется с тех пор как один из символов Бамберга. В конце XIX в. город наступал на садовников, «разрезая» их тихие кварталы веткой железной дороги, потом — кольцевыми автомобильными дорогами и закатывая в асфальт огороды для нужд городской газовой станции. В XX в. после получения городом статуса объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (1993) гэртнеры находятся

под пристальным вниманием городских властей и менеджмента, которые используют их как одну из наиболее старых и богатых традициями городских групп Бамберга в качестве имиджобразующего элемента: один из эпитетов Бамберга во множестве вариантов городского слогана — «Бамберг — город садовников»¹.

Бамберг является примером среднего города — категории поселений, к которой (в отличие от метрополий) применимы подходы изучения общины. Локальная идентичность коренных жителей среднего города отличается однозначным территориально-культурным самоотнесением и эксплицитной эмоциональной составляющей и в этом также сходна с идентичностью жителей села или малого города. Выраженная привязанность к городу фиксировалась мной и в среде других консолидированных сообществ Бамберга, в частности рыбаков и коммуны исторического квартала Занд. Надо отметить, что в посещенных мною домах, принадлежавших членам упомянутых обществ, по стенам нередко были развешаны гравюры с видами старого Бамберга или герб города [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 149, 165], а сам факт проживания в доме, имеющем статус памятника истории, комментировался как проявление локальной идентичности: «Жить в таком доме — это часть бамбергской идентичности, это груз ответственности и гордости», — записано мной от бамбержца А. Айриха в бывшем рыбацьем поселении Маленькая Венеция [АМАЭ. К.1. Оп. 2. Д. 1898. С. 165].

«Гордость» — ключевое слово, которым информанты консолидированных сообществ чаще всего определяют отличия своей группы: «Они все [гэртнеры] гордятся своими традициями. Это очень важно. Все они гордятся традицией» [ПМА: 9]. Помимо обсуждаемой групповой принадлежности, в высказываниях манифестируется выраженная привязанность к своему городу: «Я все время говорю: я чистокровный коренной житель Вундербурга². Вам это о чем-нибудь говорит? Вундербуржцы — народ гордый, очень гордый собой. И это частично пересекается с гэртнерами, но районная гордость шире. Вундербург... у нас, например, говорят: “Лучше сарайчик в Вундербурге, чем замок где-то в другом месте”. Мы все держимся вместе, вундербуржцы держатся вместе. Это очень важно» [ПМА: 9].

¹ Наряду с «Бамберг — город культуры», «...город пива», «...город вертепов» и т.д. <<http://www.infranken.de/regional/bamberg/Leser-erfanden-200-Bamberg-Slogans;art212,70464>>.

² Wunderburg — традиционный овощеводческий район Бамберга, территория Верхнего союза овощеводов.

«Я уже уезжал из Бамберга. И Бамберг был для тебя просто Бамбергом. То есть был Михельсберг, был Собор, была Маленькая Венеция. Все было красиво, и все просто было рядом, просто было. И вот я поехал в Гамбург, а потом на Тенерифе, и вот ты возвращаешься в Бамберг, и вдруг начинаешь больше замечать, какой же красивый наш город. Я думаю, если ты что-то имеешь, то редко понимаешь, что это нужно ценить» [ПМА: 6].

В пассаже из интервью информантом вербализованы те же архитектурные и исторические доминанты города, которые отражены и на зафиксированных в дневнике картинах, — бенедиктинский монастырь св. Михаила 1015 г., Бамбергский кафедральный собор 1012 г. и живописное рыбацье поселение XVII в. в центре города под названием Маленькая Венеция. Классические холсты, представляющие огороды и клумбы на фоне величественных доминант города Бамберга или, напротив, малоизвестные, уютные дворы и улицы квартала гэртнеров как часть города, вписывают непосредственное место повседневной жизни и осуществления профессиональной деятельности в пространство города, а город, в свою очередь, — в частную жизнь и контекст профессии, актуализируя локальную бамбергскую идентичность группы.

Редкие объекты: старинные вещи и искусство

Помимо символической ценности предмета рисунки и полотна Э. Штенгеле обладают очевидной художественной и, как следствие, экономической ценностью. Они имеют конкретную цену хотя бы в пределах общения владельца со страховой компанией. Данные вещи являются авторскими работами художника, и потому к ним применимо определение произведения искусства, единичной подлинной вещи, которая не может повторяться, как было в примерах с объектами сувенирной направленности. Обладание уникальными объектами повышает статус хозяина дома вне зависимости от его профессиональной идентичности как состоятельного человека, а то и коллекционера, обладателя исключительной позиции, выделяющей его на фоне других (скажем, коллег по ремеслу). Такие объекты, наполняющие пространство репрезентационных помещений, несут различные смыслы, не исчерпывающиеся принадлежностью к профессии. В том, что мое внимание (не только как исследователя, но и как гостя дома) подчеркнуто обращают на работы Штенгеле, может просматриваться демонстрация определенной близости хозяев к миру искусства или репрезентация эксклюзивности и материального статуса: хозяйка, скажем, просила меня однажды сфотографировать «в хорошем каче-

стве» все картины Штенгеле в их доме, поскольку она собиралась их застраховать.

Однако в отношении к картинам Штенгеле так же ярко прослеживается и иное содержание, а именно — запечатленность в вещи человека-дарителя-созидателя этой вещи, с одной стороны, и самого обладателя — с другой. Живописные полотна как декор жилых помещений, таким образом, приобретают ценность «особой вещи», поскольку характеризуют личности информантов и их семьи (прямо изображают их самих, их группу, групповые ценности или освоенные ими локусы), а также отношения с другими людьми (автором-художником) (ср. картины как «символ дружбы», «летопись истории жизни владельца» в [Csikszentmihalyi, Halton 1981: 65]). Информанты не без гордости указывали на факт тесной дружбы с художником и его семьей: дочь и сын Штенгеле — лучшие друзья сына информантов Себастиана; Штенгеле на каждый повод в семье Нидермайеров пишет по картине, и во всех произведениях для этой семьи угадываются они сами и их дом. Реставрацию старинных фигур святых в семье доверяют тоже исключительно Э. Штенгеле. Более скромно, но в тех же тонах на дружбу с Эдгаром Штенгеле и обусловленный ею дар гравюры с изображением доминант квартала овощеводов указывал и другой информант, Хайнер Нойбауэр, а также приводившиеся как сравнение рыбаки Бамберга, в цеховой комнате которых потолок в тематике профессии расписывал «сам Эдгар Штенгеле» [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 207].

К анализу таких объектов применима теория вещей Жана Бодрийяра. Через связь вещей с людьми, по Бодрийяру, вещи «обретают внутреннюю плотность и аффективную ценность» [Бодрийяр 1995 (1968): 11 и след.]: «Обаяние ремесленной поделки возникает от того, что она вышла из чьих-то рук и в ней запечатлен труд этого человека; это обаяние *сотворенности* (а, стало быть, уникальности <...>)» [Бодрийяр 1995 (1968): 64].

Наполнение интерьера дома гэртнеров подлинными и уникальными вещами не исчерпывается живописными произведениями, но продолжается рядом деталей и объектов, не функциональных для данной обстановки и данного времени, но бывших функциональными в прошлом. Примеры тому — вышедшие из употребления старые традиционные корзины, тележки, лейки и орудия труда, выставленные в помещении двора-проезда или лавки в ряде овощеводческих хозяйств. Наиболее интересные примеры демонстрируют дома двух информантов, выделяющиеся стилем обстановки из этого ряда.

Обоих информантов можно охарактеризовать как обеспеченных или даже зажиточных; это путешествующие люди, имеющие много свободного времени, и их хабитус иной, чем у пожилых, приверженных традициям гэртнеров, не покидавших ареал своих огородов. Достаток позволил изменить интерьер за год-два до моего проекта и оформить его согласно сегодняшним тенденциям: не учитывая требования моды, каталогов и некой общей нормы, а делая акцент на индивидуальном. Отличительными чертами интерьера являются сочетание функциональности инновационных технологий с сохранением старинных деталей, интегрирование в обстановку старинных вещей.

Например, акцентированы старые почерневшие балки дубового фахверка в доме XVII в. в гостиной и прихожей после ремонта; в современном интерьере гостиных расположена мебель в крестьянском стиле [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 93, 174]. Гэртнеры часто демонстрируют традиционный элемент дома — дверной колокольчик на медной спирали под потолком прихожей, и у некоторых он используется по назначению вместо электрического звонка: «Раньше во всех домах гэртнеров были такие колокольчики, это традиция, но потом, конечно, многие поменяли [на электрические]...» [ПМА: 4]. Очевидна параллель этого случая со сходными рассуждениями Ж. Бодрийяра относительно «культурного экзотизма современного вторичного оформления дома» и с примером дома архитектора, когда тот покупает старую ферму и строит на ее месте новейший и современнейший дом, однако интегрирует в новое, технически функциональное строение старые элементы прежней фермы, в частности некоторое количество старых камней; или с примером кровати грелки, которую используют по прямому назначению, несмотря на наличие мазутного отопления в доме: «старинную мифологическую вещь заставляют функционировать» [Бодрийяр 1995 (1968): 65 и след.]. Как и старинные камни дверного портала упоминаемого Бодрийяром архитектора, колокольчик-звонок гэртнеров является первоначальным, вводным элементом жилища — и в этом заключается их сходная символическая значимость: на них в ценностном отношении покоится все здание. Современность и функциональность не придают дому ценностной значимости, не превращают его в «настоящее» жилище. «Чтобы дом обрел бытие, нужны неприметные, но облагораживающие его старинные детали, свидетели прошлых поколений» [Бодрийяр 1995 (1968): 66].

В коллекции моих примеров наиболее показателен случай оформления гостиной старыми рабочими инструментами городских земледельцев в доме упоминавшегося Ф. Штюмера:

Ил. 6. Старинное крестьянское орудие в гостиной дома Франца Штюмера. Бамберг, 2009 г. Фото автора.

возле стены с множеством старых фотографий выставлена целая композиция, составленная из лавки с наковальней для отбивания косы, цепа, ручного резака для ботвы, ящика с секирой, трех плетеных корзин *шенце*, деревянного долбленого корыта, хомута и песта — части маслобойки (ил. 6). В ходе беседы информант не без гордости указал на эту инсталляцию, обратив особенное внимание на лавку-наковальню: на ней вырезана дата «1839». Его мать хотела разрубить и сжечь эту лавку в 1980-е гг., но он увидел вырезанную дату и перенес ее на видное место в гостиную [АМАЭ. К. 1. Оп. 2. Д. 1898. С. 174].

Старинные ремесленные вещи в интерьерах гостиных могут рассматриваться в смысловом ряду *старинная вещь* — *экзотическая вещь* — *маргинальная вещь* в контексте системы вещей Бодрийера как выражение или свидетельство памяти, ностальгии, а потребность в них — объясняться тягой человека к завершенности / совершенности, определению своего места во времени, привязкой к чтимому изучаемой группой прошлому: «Ну, старые гэртнеры имели, конечно, старые вещи, так? Многие мы, собственно говоря, снесли в музей, потому что считалось — на что они теперь? А кое-что семьи вернули обратно и сохранили, потому что от прадедов и от родителей или еще от кого — старые тележки, машины...» [ПМА: 2]. Можно говорить о том, что старинные орудия труда и вещи из прошлого гэртнеров не только оказываются значимыми в связи с воспоминаниями о покойных родичах, но и олицетворяют подлинность соб-

ственного бытия в смысле проекции того прошлого профессии и ее традиций, которым поклоняется коллектив.

Безусловно, эти рассуждения и интерпретации принадлежат исследователю. Вряд ли мои информанты задумывались над тем, почему им нравится иметь в лучшей комнате старую лавку с наковальней. Многие вещи в доме оказываются невидимыми для хозяев в силу своей привычности, и только мой интерес в процессе интервью внезапно сталкивает собеседника с вещью, побуждая дать какую-то рефлексию своего отношения к ней:

Соб.: Везде, во всех домах, висят фотографии гэртнеров в традиционных костюмах. У тебя тоже вижу. Почему и для чего?

Инф.: Ну, я уже и не обращаю внимания на эти картинки так. Просто проходишь, садишься и все.

Соб.: Настолько привычные? Просто само собой разумеется, что все так, как есть?

Инф.: Да. <...> Только когда ты вдруг уезжаешь куда-то, то чувствуешь, насколько это все дорого тебе [ПМА: 6].

Впрочем, как представляется, факт связи с ушедшим временем и традицией гэртнеров имеет значение для информантов и представляет ценность: история описанного старинного инструмента после обнаружения даты «1839» и демонстрация таких элементов гостям доказывают это.

Вещи и дом: снова к «этнографии гостиных»

Сочетание старинных ремесленных объектов с современной функциональностью и минимализмом — сегодня не уникальное явление в обстановках. Мы сказали бы, что такие интерьеры смотрятся «стильно». Еще один эпитет в отношении сочетания функционального и старинного, используемый разными авторами, видится значимым — «теплый»: «старые вещи “греют” своей индивидуальностью» [Tränkle 1972: 115], «старинная вещь <...> воспринимается как теплый элемент в противоположность холодному современному окружению» [Бодрийяр 1995 (1968): 61]. Итак, старинные орудия труда и вещи из прошлого гэртнеров создают определенное настроение и атмосферу в интерьере, анализ которой приводит к топосу уюта, а значит, возвращает нас от репрезентационных помещений в приватную сферу дома.

Этнографические наблюдения гостиных в немецком поле интересны еще и в связи с историей развития этого жилого помещения немецкого дома и с размышлениями о категории традиционности. Функции гостиной, кухни и прихожей в доме различны, как и их эмоциональная нагруженность в семейном

коллективе. Исторически гостиная в Германии (нем. Wohnzimmer — ‘жилая комната’) была особым помещением бюргерского дома, аналогом которого выступала “gute Stube” крестьянского дома: нежилая комната, предназначенная для демонстрации социального статуса и материального достатка (репрезентационное помещение). Такое помещение получило название “kalte Pracht” — «холодная роскошь». Жизнь и общение семьи протекали на кухне, в так называемой «жилой кухне» (нем. Wohnküche). Таким образом, эти две сферы жилья были диаметрально противоположны в смысле понятия уюта, ключевого для немецкого национального самосознания: репрезентационное помещение неотапливаемое, холодное и неуютное, тогда как жилое помещение снабжено очагом или печью, пребывание в нем сопряжено с повседневной деятельностью, а также с приемом пищи и общением. Через чувство защищенности, физического тепла, а также через со-бытие и коммуникацию с другими людьми обычно создается та эмоциональная атмосфера и качество бытия, которые передаются в немецком языке непереводаемым словом Gemütlichkeit (рус. «уют» и «душевность») и характеризуют понятие дома [Schmidt-Lauber 2003: 161–165].

С рассуждениями Бригитты Шмидт-Лаубер перекликаются и психологические построения Александра Митчерлиха, рассматривавшего на сорок лет раньше гостиную как материальное выражение конструкта «дом / родина» (нем. Heimat, daheim): «Перенос понятия “дом” (в смысле чувства, “что ты дома”) на гостиную свидетельствует о повышении значимости материального ансамбля обстановки, которое происходит благодаря не самим вещам, а человеческим отношениям, связываемым с местом. Родина, дом, а с ними и гостиная дома являются результатом работы насыщения смыслами. Чтобы место стало домом, нужно над ним работать» [Mitscherlich 1965: 126].

В ходе своего развития гостиная немецкого дома все больше приобретала именно такие черты и в наше время служит олицетворением теплого уголка для семейного отдыха, противоположного стрессу рабочего времени. Если внутренний двор-лавка и прихожая в домах гэртнеров подразумевают нахождение в них посторонних людей, иначе говоря, имеют однозначную презентационную функцию, то кухня является сферой жилого пространства, где происходит ежедневное совместное нахождение всех членов семьи, центром семейной жизни и «уюта». Гостиная занимает промежуточное положение на этой шкале, выполняет обе функции и ориентирована как на внешние визиты, так и на внутреннюю жизнь семьи. Если применить концепции Шмидт-Лаубер и Митчерлиха гостиной как родины / дома к моему материалу, то нахождение

анализируемых объектов в гостиных и кухнях интерпретируется как социальное действие по насыщению помещений символами семьи, своего ближнего круга (друзей / коллег / соседей-гэртнеров), своего прошлого («корней», предков), воспоминаниями и созданию через эти объекты феномена «немецкого уюта». Такая функция вещей в интерьере осознается их владельцами, и в данном случае мои интерпретации перекликаются с интерпретациями информантов, хозяев вещей:

Соб.: Что значат для тебя эти вещи?

Инф.: Это просто та добрая бургерская жизнь. Эта домашняя, семейная, да просто совершенно нормальная жизнь. Это просто родина, семья [ПМА: 6].

Заключение

Итак, в фокусе внимания данной статьи были декоративные вещи в пространстве жилья бамбергских гэртнеров. Дом гэртнеров в антропологическом ключе интересен тем, что он объединяет приватное пространство с пространством профессии. Поэтому для его анализа применимы как концепция «этнографии гостиных», в основе которой лежит общественная теория различий Пьера Бурдьё, так и семиотические подходы, в частности концепции вещей Жана Бодрийяра, а также подход, реализованный Т.Б. Щепанской в ее анализе пространства профессии и знаковой функции находящихся в нем объектов.

Ввиду того что основной темой моих бамбергских штудий были гэртнеры как профессия, возможно, мой взгляд на вещи в интерьере оказался несколько односторонним — ситуация бесед была таковой, что все предметы, попадавшие в поле зрения, обсуждались и комментировались в контексте профессии. В это русло собеседников направил мой научный интерес, которым я побудила их обратить внимание на привычные вещи в интересном мне ракурсе, столкнула их с объектами, которые в силу своей обретенной с годами обыденности перестали быть заметными и достойными обсуждения или осмысления, а возможно, приобрели ныне иное значение, нежели имели в момент своего появления в доме. Кроме того, на результаты, описанные мной, безусловно, повлияли данная конкретная ситуация исследования и сопутствующие факторы: я — иностранный исследователь, который, помимо непосвященности в профессиональные традиции, являлся гостем города. Комментарии информантов в этом контексте оказываются сродни своеобразному введению постороннего в свое социокультурное поле, при котором рассказчик сам определяет, как он хочет представить свой дом, его смыслы и свою связь и отношение к обсуждаемой с исследователем профессии. Неслучайно

значительная часть материала относилась к публичным людям, отчасти «играющим» в свои традиции.

Представленная моими собеседниками идентичность видится многоплановой, включающей фамильный, профессиональный, конфессиональный и локальный аспекты, объективацию которых можно проследить в описанных вещах.

Для анализа данного материала могли бы оказаться продуктивными и иные подходы. В частности, за рамками данной статьи остался анализ интеракций владельца и его вещей с психологической перспективы, подобный тому, который осуществил М. Чиксентмихайи, или же обращение к развернутым «биографиям» случайных повседневных вещей — подход, заимствованный у итальянского художника Даниэля Спорри.

Список сокращений

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ПМА — полевые материалы автора

Архивные материалы

Архив МАЭ. К. 1. Оп. 2. № 1898. Бучатская Ю.В. Традиционная сельская и городская праздничная обрядность, бытовая культура и производственно-ремесленный цикл в некоторых регионах Южной Германии. Полевой дневник. 2008–2009. Принтерный вывод.

Источники

Грин А. Алые паруса. СПб.; М.: Речь, 2014. 160 с.

Gemüseanbau in Bamberg: Tradition ohne Zukunft? // Bamberg. 31.12.1999–1.02.2000. S. 10.

Rost H. Die Bamberger Gärtnerei. Ein Kultur- und Wirtschaftsbild aus Vergangenheit und Gegenwart. Bamberg: [o.V.], 1909. 29 p.

Библиография

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 174 с.

Иванова-Бучатская Ю.В. Немецкое Рождество: традиционные компоненты, предметы, символы в коллекциях и архивных материалах МАЭ // Культурное наследие народов Европы. СПб.: Наука, 2011. (Сборник МАЭ. Т. 59). С. 8–92.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 3–17.

Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // AEQUINOX MCMXIII. М.: Книжный сад; Carte Blanche, 1993. С. 70–167.

- Щепанская Т.Б.* Проекция социального контроля в пространстве профессии // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 18–31.
- Щепанская Т.Б.* Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды. Россия, конец XX — начало XXI в. СПб.: Наука, 2010. 368 с.
- Bourdieu P.* Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft, 1987. 910 S.
- Csikszentmihalyi M., Halton E.* The Meaning of Things. Domestic Symbols and the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 204 p.
- Friese H., Wagner P.* Der Raum des Gelehrten. Eine Topographie akademischer Praxis. B.: Sigma, 1993. 109 S.
- Götze U.* Die Gute Stube // Andritzky G., Selle G. (Hg.). Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt. Reinbek: Rowohlt, 1979. Bd. 1. S. 288–297.
- Hahn H.P.* Von der Ethnographie des Wohnzimmers – zur “Topographie des Zufalls” // Tietmeyer E., Hirschberger C., Noak K., Redlin J. (Hg.). Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur. Münster; B.; München; N.Y.: Waxmann, 2010. S. 9–21.
- Hoskins J.* Biographical Objects. How Things Tell the Stories of People Lives. L.: Routledge, 1998. 224 p.
- Mitscherlich A.* Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1965. 214 S.
- Pappi F.U., Pappi I.* Sozialer Statur und Konsumstil. Eine Fallstudie zur Wohnzimmereinrichtung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1978. Bd. 30. S. 60–86.
- Riggins S.H.* Fieldwork in the Living Room. An Autoethnographic Essay // Riggins S.H. The Socialness of Things. Essays on the Socio-Semiotics of Objects. B.: Mouton de Gruyter, 1994. S. 101–147.
- Schmidt-Lauber B.* Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt a.M.; N.Y.: Campus Verlag, 2003. 257 S.
- Schrader J.* Spielzeugherstellung im Erzgebirge. Geschichtliches — Wirtschaftliches — Soziales // Weihnachten im Erzgebirge. B.: Museum für Deutsche Volkskunde, 1985. S. 17–23.
- Tränkle M.* Wohnkultur und Wohnweisen. Tübingen: Gulde-Druck, 1972. 268 S.
- Warnke M.* Zur Situation der Couchecke // Habermas J. (Hg.). Stichworte zur geistigen Situation der Zeit. Bd. 2: Politik und Kultur. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1982. S. 673–687.
- Wussmann W.* “Ein Zwiebeltreter bin ich gern”. Bamberg und seine Gärtner. Gundelsheim: Hübscher Edition, 2002. 160 S.

Список информантов

1. Demuth Georg, 1940 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 11.08.2011.
2. Deuber Pankraz, 1939 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 30.05.2009.

3. Eyrich Arnim, 1951 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 14.04.2009.
4. Niedermaier Michael, 1954 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 18.02.2009.
5. Niedermaier Michael. Запись интервью 10.08.2011.
6. Niedermaier Sebastian, 1989 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 20.07.2009.
7. Ochs Elisabeth, 1925 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 15.04.2009.
8. Strobler Johannes (Senior), 1930 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 3.05.2009.
9. Stürmer Franz, 1948 г.р., г. Бамберг. Запись интервью 4.05.2009.

Living Space and Things in a Professional Context: A Study of Gardeners' Houses in Bamberg

Julia Buchatskaya

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya emb., St Petersburg, Russia
julia.butschatskaja@yahoo.de

The focus of this article are the things in professional gardeners' houses in Bamberg ("Bamberger Gärtner") and their relationship with group identity. The identity of gardeners is multidimensional, it includes professional, confessional, and local aspects. The professional aspect of identity is the most important because of the rareness of this disappearing form of employment. The purpose of this article is to trace the objectification of professional identity in decorative things, and to find out what interlocutors say about these things and their relationship to the professional context. Gardeners' houses are anthropologically interesting because they unite private and work rooms, living and professional space. Therefore, the concept of "ethnography of living rooms" can be applied to their analysis. The concept is based on Pierre Bourdieu's theories about social distinction, as well as the semiotic approaches, such as Jean Baudrillard's concept of things, and also Tatjana Shchepanskaya's approach in her analysis of professional space and the symbolic function of the objects in it.

Living rooms, halls, and house shops have a representative function because they are indented for visitors, but at the same time, are private rooms of the internal sphere of a family.

In these rooms, groups of objects such as photos, religious objects, various documents and texts, the reduced copies of traditional instruments, small figures and souvenir products symbolic of the profession, ancient craft products and works of art were analysed.

The author's conclusion is that decorative objects in representational rooms represent the owner's identity outward, and at the same time, create the internal atmosphere expressed in a special national phenomenon of "German cosiness". Because of the author's special interest in gardeners of Bamberg as a professional group, informants commented on all things in a professional context.

Keywords: living room, living space, things, decorative objects, profession, identity, gardeners of Bamberg.

References

- Baudrillard J., *Le système des objets*. Paris: Gallimard, 1968, 294 pp.
- Bourdieu P., *La Distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1979, 672 pp.
- Csikszentmihalyi M., Halton E., *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 204 pp.
- Friese H., Wagner P., *Der Raum des Gelehrten. Eine Topographie akademischer Praxis*. Berlin: Sigma, 1993, 109 pp.
- Götze U., 'Die Gute Stube', Andritzky G., Selle G. (Hg.), *Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt*, no. 1, Reinbek: Rowohlt, 1979, pp. 288–297.
- Hahn H. P., 'Von der Ethnographie des Wohnzimmers — zur "Topographie des Zufalls"', Tietmeyer E., Hirschberger C., Noak K. und Redlin J. (Hg.), *Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur*. Münster; Berlin; München; New York: Waxmann, 2010, pp. 9–21.
- Hoskins J., *Biographical Objects. How Things Tell the Stories of People Lives*. London: Routledge, 1998, 224 pp.
- Ivanova-Buchatskaya J., 'Nemetskoe Rozhdestvo: traditsionnye komponenty, predmety, simvoly v kollektivyakh i arkhivnykh materialakh MAE' [The German Christmas: Traditional Components, Objects, Symbols in Collections and Archive Materials of MAE], *Kulturnoe nasledie narodov Yevropy* [Cultural Heritage of European Nations]. St Petersburg: Nauka, 2011, pp. 8–92. (In Russian).
- Mitscherlich A., *Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1965, 214 pp.
- Pappi F. U., Pappi I., 'Sozialer Statur und Konsumstil. Eine Fallstudie zur Wohnzimmereinrichtung', *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1978, no. 30, pp. 60–86.
- Riggins S. H., 'Fieldwork in the Living Room. An Autoethnographic Essay', Riggins S. H., *The Socialness of Things. Essays on the Socio-Semiotics of Objects*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 101–147.
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R., 'Mir professiy kak pole antropologicheskikh issledovaniy' [The World of Professions as a Field of Anthropological Studies], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 5, pp. 3–17. (In Russian).

- Schmidt-Lauber B., *Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt a.M.; New York: Campus Verlag, 2003, 257 pp.
- Shchepanskaya T. B., 'Proektsii sotsialnogo kontrolya v prostranstve professii' [Projections of the Social Control in a Profession Space], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 5, pp. 18–31. (In Russian).
- Shchepanskaya T. B., *Sravnitel'naya etnografiya professiy: povsednevnye praktiki i kulturnye kody. Rossiya, konets XX — nachalo XXI v.* [A Comparative Ethnography of Professions: Routine Practices and Cultural Codes. Russia, The End of the 20th — Beginning of the 21st Century]. St Petersburg: Nauka, 2010, 368 pp. (In Russian).
- Toporov V. N., 'Veshch v antropotsentricheskoy perspektive' [The Thing in an Anthropocentric Perspective], *AEQUINOX MCMXCIII*. Moscow: Carte Blanche, 1993, pp. 70–167 (In Russian).
- Tränkle M., *Wohnkultur und Wohnweisen*. Tübingen: Gulde-Druck, 1972, 268 pp.
- Warnke M., 'Zur Situation der Couchecke', Habermas J. (Hg.), *Stichworte zur geistigen Situation der Zeit. Bd. 2. Politik und Kultur*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1982, pp. 673–687.
- Wussmann W., "Ein Zwiebeltreter bin ich gern". *Bamberg und seine Gärtner*. Gundelsheim: Hübscher Edition, 2002, 160 pp.